
МАРЦИНКОВСКАЯ Т.Д.,
доктор психологических наук,
профессор,
ФГНУ «Психологический институт»,
Москва, Россия

МЕТОДОЛОГИЯ Г.И. ЧЕЛПАНОВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО- ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Г.И. Челпанов, создавший на рубеже XIX-XX веков одну из первых научных психологических школ, заложил основания как экспериментальной (эмпирической), так и теоретической психологии в России. Для того, чтобы полнее оценить его роль в формировании отечественной психологии, необходимо проанализировать как путь его становления как ученого, так и сопоставить его взгляды в позициями других ученых. Точнее всего такой анализ возможен в рамках историко-генетической парадигмы.

Ключевые слова: историко-генетическая парадигма, экспериментальная психология, теоретическая психология, формирование отечественной психологии.

Г.І. Челпанов, який створив на рубежі XIX -XX століть одну з перших наукових психологічних шкіл, заклав засади як експериментальної (емпіричної), так і теоретичної психології в Росії. Для того, щоб повніше оцінити його роль у формуванні вітчизняної психології, необхідно проаналізувати як шлях його становлення як ученого, так і зіставити його погляди з позиціями інших вчених. Найточніше такий аналіз можливий в рамках історико-генетичної парадигми.

Ключові слова: історико-генетична парадигма, експериментальна психологія, теоретична психологія, формування вітчизняної психології.

G. Chelpanov, created at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, one of the first scientific schools of psychology, laid the foundation as experimental (empirical) and theoretical psychology in Russia. In order to more fully evaluate its role in the national psychology , to be analyzed as a way of its formation as a scientist, and to compare his views in positions of other scholars. More precisely just such an analysis is possible within a historical-genetic paradigm.

Key words: *historical-genetic paradigm, experimental psychology, theoretical psychology, the formation of the national psychology.*

І.И. Челпанов, создавший на рубеже XIX-XX веков одну из первых научных психологических школ, заложил основания как экспериментальной (эмпирической), так и теоретической психологии в России. Для того, чтобы полнее оценить его роль в формировании отечественной психологии, необходимо проанализировать как путь его становления как ученого, так и сопоставить его взгляды в позициями других ученых. Точнее всего такой анализ возможен в рамках историко-генетической парадигмы.

Историко-генетическая парадигма

Историко-генетическая парадигма представляет собой системное направление, фокусированное на анализе развития психологической науки по горизонтали (связь с другими науками и связь отдельных проблем-категорий между собой) и вертикали (параметры прогресса, роль субъективных и объективных факторов в развитии науки) в рамках определенных исторических и культурных условий и научных парадигм.

Этот подход исходит из того, что развитие научного знания детерминировано как объективными, так и субъективными факторами и предполагает четыре уровня исследования процесса формирования психологических концепций.

Первый уровень концентрируется на изучении общих закономерностей процесса развития психологической науки, поэтому ведущими методами исследования здесь являются введенные М.Г. Ярошевским понятия логики и социальной ситуации развития науки. Этот аспект исследований может рассматриваться как один из вариантов науковедческого анализа.

Фокус внимания второго уровня анализа - развитие знаний о психике в контексте истории и культуры. Здесь рассматривается возможность применения понятия прогресса к процессу становления психологии, а также критерии прогресса понимаемого как кумуляция знаний о психике. Еще одной проблемой, рассматриваемой в русле этого уровня является изучение относительности (конвенциональности) знаний и их специфика в рамках определенной культуры. В этом случае культура представляется своеобразной парадигмой (социальной, а не эпистемической), имеющей более или менее жесткие границы, отделяющие ее от других культур.

На третьем уровне исследований в центр внимания попадают закономерности становления и распада отдельных научных школ и особенности развития психологии в рамках конкретной школы. В этих исследованиях используется как инструментарий, предложенный М.Г. Ярошевским (оппонентный круг, научная школа, ког-

нитивный стиль), так и разработанные в философии науки и в работах К. Поппера И. Лакатоса и П. Фейерабенда понятия дискурс, конкуренция идей, концепция «предположений и опровержений».

Последний уровень связан с изучением генезиса психологических знаний по отдельным проблемам. В этом случае также используются понятия оппонентного круга и когнитивного стиля, а также идея прогресса, но здесь она точнее представлена именно как кумуляция знаний.

Общая картина психологической науки может рассматриваться как своеобразный аналог сети и невода. При этом сетевой принцип распространяется, преимущественно, на изучение того, каким образом отдельные проблемы связываются в целостную систему знаний. Сетевой принцип организации категорий раскрывает их взаимосвязь, а также открывает возможности встраивания в уже имеющуюся сеть новых категорий. Этот принцип показывает также многоаспектность категориального строя, давая возможность выделить разные варианты построения сети, в том числе и разные направления в ее развитии, которые характерны для определенных областей науки. При этом новый сегмент в сетке категорий не обязательно должен рассматриваться как «пустое место», но, скорее, как обозначение тенденции к ее расширению в определенную сторону, наиболее актуальную, например, на данном этапе развития психологических знаний.

Образ невода используется при анализе того, каким образом разные теории соединяются при исследовании разных сторон одной проблемы. Невод, объединяя разные категории и концепции, выстраивает их в целостную систему, имеющую одновременно и вертикальное, и горизонтальное измерение – разные представления о предмете анализа в одной концепции и однотипные представления в разных научных подходах. При этом

гибкая и, одновременно, законченная сетка невода не дает этим отдельным понятиям растекаться в разные стороны, но улавливает, собирает их в единую систему.

Историко-генетическая парадигма дает возможность на базе сравнительного историко-психологического анализа не только найти способы решения проблем, наиболее созвучных настоящему времени, но и модифицировать их, исходя из тезауруса и запросов современной психологической теории и практике. Полученные в результате историко-генетического анализа материалы дают возможность вычленить наиболее ценное в разработанных концепциях, и, сопоставив их с современной ситуацией, раскрыть их потенциальные возможности, степень их адекватности социальным ожиданиям. Сравнительный анализ роли социальной перцепции и логики развития научных знаний помогает точнее понять многие психологические теории, прежде всего теории личности, в их взаимосвязи с обществом и психологической практикой. Эти материалы необходимы и для развития теоретических концепций, и для практической работы, так как помогают избежать сделанных ранее ошибок и дают частичный прогноз дальнейшего развития гуманитарного знания.

Начало пути

Г.И. Челпанов принадлежал к тому направлению в психологической науке начала XX века, которое было убеждено в том, что методологической основой психологии должна стать философия и именно философия. Однако, это не мешало ему рассматривать психологию как самостоятельную и позитивную дисциплину, имеющую свой предмет и методы исследования, совершенно отличные от философии, придающие ей статус самостоятельной науки. Он также не отрицал роль экспериментальной психологии, более того, всячески способствовал ее

развитию в России, для чего и создал сначала психологический практикум в Киевском и Московском университетах, а затем институт экспериментально психологии в Москве.

Признавая ведущую роль философии в структурировании психологического знания, Челпанов, в то же время, не игнорировал, как многие его современники, связь психологии с естественными науками. Не отрицая важной роли естествознания, Челпанов разделял взгляды своего коллеги и ученика Шпета, полагавшего, что эмпирические науки (психология, естествознание, искусствоведение...) должны строиться на базе философской теории.

Конец XIX века был временем, крайне важным для психологической науки. Именно в этот период она активно перестраивала свою методологию, развиваясь как экспериментальная и позитивная дисциплина, основывающаяся на естественнонаучных положениях. В этот период формировались и методологические положения еще молодой экспериментальной психологии, возникали различные трактовки ее предмета и проблематики, разрабатывались новые, объективные методы исследования психики. Если до этого времени отечественная психология развивалась в основном под влиянием зарубежных теорий и взглядов на ее предмет и задачи, то в 1870-х годах начала формироваться самостоятельная отечественная психология, начался поиск путей ее построения, ее методологии и собственного предмета, ее отличий от других наук и различий с европейской психологией.

Прежде всего, необходимо было разработать методологию новой науки, понять, какой ей надлежит быть - естественной или гуманитарной. Из ответа на этот вопрос вытекало и на какую дисциплину следует ориентироваться психологии - на философию, с которой она и была связана главным образом до того времени, либо на фи-

зиологию, как того требовали новые веяния науки и общественные предпочтения.

Активное развитие психологии в стенах Московского и Петербургского университетов происходило во многом благодаря усилиям М.М. Троицкого и М.И. Владиславлева. В Новороссийском университете формирование психологической науки, в том числе и зарождающейся экспериментальной психологии, связано с именами Н.Я. Грота и Н.Н. Ланге. Н.Н. Ланге, как и Грот, стоял у истоков экспериментальной психологии в России, и, как впоследствии Челпанову, стажировался в Лейпцигском психологическом институте Вундта. Хотя непосредственно у него Челпанов не учился, так как окончил университет до официального назначения Ланге приват-доцентом, однако его деятельность уже начала разворачиваться в университете в годы учебы Челпанова. Н.Н. Ланге создал в университете при кафедре философии кабинет экспериментальной психологии с целью развития психологии как объективной науки и преподавания ее как учебной дисциплины. Это была первая университетская лаборатория экспериментальной психологии в России. Наряду с научной он активно занимался и общественной деятельностью, защищая принципы общедоступности образования, что также стало впоследствии очень важным и для Челпанова. С 1887 года Грот возглавляет и Московское психологическое общество. Начиная с обучения в Новороссийске, на всех этапах этой деятельности он в большей или меньшей степени связан дружескими и научными связями с Челпановым.

В творчестве Грота в середине 1880-х годов произошел переход от увлечения позитивизмом и естественными науками к ориентации на философию и исследованию духовного мира человека. И эта установка на сочетание эксперимента и философии стало путеводной звездой для творчества

молодого тогда Челпанова. Іменно Н.Я. Грот, який во время обучения Челпанова в университеті заведовав кафедрою філософії, оказав величезний вплив на формування наукової позиції Г.І. Челпанова, і, перш за все, на виникнення інтереса до експериментальної психології. Наукові контакти з Н.Я. Гротом продовжувалися вже в Москві, так як з 1896 г. Грот став заведуючим кафедрою філософії Московського університету. Після закінчення в 1887 г. Новоросійського університету в Москві приїхав і Челпанов. Сдав в 1890 г. магістерські іспити, він став приват-доцентом Московського університету. Однак перебування в Москві в цей раз було недовгим. В 1892 г. він переїжджає в Київ і починає викладати філософію і психологію в Університеті св. Володимира, а з 1897 г. вже є професором і заведуючим кафедрою філософії Київського університету. В тому ж році він відвідав Лейпцигську лабораторію Вундта. Н.Я. Грота і В. Вундта Г.І. Челпанов до кінця життя вважав своїми учителями і саме їх принципи психології, їх підходи до дослідження душевної життя висловлював і в своїй теоретичній концепції, і в своїх емпіричних дослідженнях.

Цей вибір учителів дуже показав для характеристики наукових поглядів Челпанова, так як в певній ступені відображає і співвідношення філософії, теоретичної і експериментальної психології в його поглядах. Челпанов також вважав, що філософська методологія і експериментальні дослідження є двома константами, в межах яких змінюються і модифікуються в залежності від нових теоретичних і експериментальних даних погляди на методологічні основи психології.

Сравнительный анализ взглядов Челпанова с позицией его

современников.

Взгляди Челпанова в багатьох відгуках співвідносилися з позицією Лопатина, з яким він тісно співпрацював і в Московському університеті, і в журналі «Вопросы философии и психологии», і в діяльності Московського психологічного товариства. Їх зближенню сприяла і взаємна повага до наукової і громадської діяльності Н.Я. Грота, також як до творчості С.Н. і Е.Н. Трубецьких, з якими Челпанов познайомився ще в Київському університеті.

Як і Лопатин, Челпанов вважав, що філософія є не тільки основою для дослідження в психології пізнання, але і базою для розробки психології емоцій і, пізніше, особистості. Відстоюючи центральне місце психології в системі інших наук, Лопатин бачив її як методологію всіх наук про людину. Визначаючи її предмет, він доводив, що психологія повинна бути наукою про закони і процеси душевної життя. В цьому визначенні, писав Лопатин, значно точніше відображається зміст і напрям психологічних досліджень, стає зрозумілим, що її мета – вивчення пізнавальних психічних процесів і відкриття загальних закономірностей, визначають психічне життя людини.

Зближала Лопатина і Челпанова і думка про важливість німецької філософії для російської гуманітарної науки. Так, в своїй книжці «Положительные задачи философии» Лопатин писав про значення німецької наукової школи для російської психології, обґрунтовуючи позитивну роль метафізики для науки того часу. З його точки зору гносеологію побудувати неможливо без визнання деяких метафізичних передумов, а саме без визнання чужого одушевлення і зовнішнього світу.

Не відкидаючи великого значення експерименту і фізіології для психології, Лопатин все ж вважав її

по преимуществу философской, а не естественной наукой. Именно этот тезис оспаривал в своих трудах Челпанов, который считал, что философские концепции должны лечь и в основу разработки психологического эксперимента. Общим же было признание тезиса о том, что главным связующим звеном между психологией и философией является теория познания.

Значительное влияние на взгляды Челпанова оказала и концепция Лейбница, прежде всего трактовка Лейбницем идеи Декарта об интуиции. Однако антропологизм, свойственный отечественной науке, привел к появлению новой точки зрения на проблему интуиции, к стремлению преодолеть то разделение, которое существовало в трактовке двух ее видов. Естественно, что эта тенденция была свойственна не только российской психологии и философии, достаточно сказать о концепциях Бергсона, Гуссерля, Хайдеггера, но в отечественных теориях она проявилась особенно отчетливо. Проявилась она и во взглядах Челпанова, недаром в своей работе «Очерки русской философии» В. Зеньковский писал о том, что, оставаясь верным неокантианству в исследовании восприятие пространства, Челпанов в своих гносеологических взглядах и, частично, в анализе целостности души, взаимосвязи души и тела, высказывал и свою приверженность неoleyбницианству. Говоря о том, что концепция Челпанова – это осторожный, но ответственный трансцендентализм, Зеньковский также подчеркивал, что хотя философское наследие Челпанова исчерпывается трансцендентальным реализмом, но в этом отношении его анализы отличаются строгостью и выдержанностью, защита гносеологического реализма развита им с большой силой.

Однако, будучи в первую очередь психологом, Челпанов, естественно, не мог при рассмотрении гносеологических вопросов уйти от проблемы

души, личности, вопроса о том, что же дает рациональная интуиция для понимания человеком себя, своих мыслей и переживаний. Не меньшее значение, особенно в московский период его деятельности, для него имели и вопросы о свободе воле и творчестве. На этих вопросах в тот момент фокусировалось внимание не только Челпанова, но и его коллег. И ведущим авторитетом для этой плеяды ученых был В.С. Соловьев, создавший одну из самых значительных философских концепций, хотя и не успев довести свой труд до законченной научной системы. Соловьев как бы обозначил кульминационную точку того поворота в мышлении, который произошел в конце 1880-х годов и который знаменовал собой признание религиозной жизни и некоторое разочарование в единой державии науки и, в особенности, естествознания. При этом надо отметить, что в философии Соловьева рационалистические элементы сознательно соединялись с мистическими. Хотелось бы отметить, что это положение было очень важным именно для российских ученых, так как большинство наших наук, не только гуманитарных, но и естественных, были ориентированы на человека. Поэтому отблеск идей Соловьева можно явственно проследить не только в работах непосредственно соприкасавшихся с ним и близким ему по духу ученых (Лопатина, Лосского, Франка), но и достаточно далекого по своим научным устремлениям Челпанова.

Однако, фокусирование внимания на мистических, трансцендентальных аспектах познания, развиваемое в работах Лосского и Франка, было неприемлемым для Челпанова. В теории интуитивизма Лосского доказывалось, что при интуиции происходит не уразумение вещи, не отчетливое восприятие ее сути, но восприятие ее самой. Таким образом, он соединил два вида интуиции, разрушая ту границу между субъектом и объектом, которая была у Декарта и Лейбница.

Это положение теории интуитивизма была использовано Лосским для доказательства того, что возможно и интуитивное восприятие чужой психической жизни, то есть одушевленность другого существа, его психическое состояние, мысли и переживания постигаются интуитивно. Так как, по мнению Лосского, возможно путем интуиции понять чужую душу, причем не только как идею, но как психическую целостность со всем ее содержанием, естественным представляется и его отрицание необходимости экспериментальной психологии, так как и без специальных исследований и экспериментов возможно получить необходимые данные прямым интуитивным восприятием другого. Эти мысли Лосского стали предметом его серьезной полемики с многими психологами, прежде всего с Лопатиным, Введенским, Гротом, Челпановым, отстаивавшими необходимость развития в России объективной, экспериментальной психологии.

Важно также подчеркнуть, что Челпанов, в отличие от Лосского, во главу угла ставит не взаимосвязь и взаимодействие между людьми, но способ познания ими внешнего мира, и только потом, уже в поздних своих работах, Челпанов возвращается к мысли о важности познания человеком себя. И здесь он вновь вспоминает об интуиции, как рациональной, так и интеллигибельной и опытной. Именно в личностном, психологическом плане и открывается путь к объединению двух видов интуиции – сущностной, при интеллигибельном постижении своего внутреннего мира, и опытной, при самореализации.

Уже во втором томе работы, посвященной восприятию пространства, анализируя суть трансцендентального реализма, Челпанов приходит к выводу, что это в большей степени идеал-реализм. Так как трудно, с его точки зрения, точно отделить понятие истинного «пространства» от нашего восприятия пространства, то также

трудно отделить и пространство идеальное, воображаемое, от реального пространства жизни и взаимодействия людей. Он писал, что «может быть эта объективная основа не есть пространство, а только известный аналог пространству; по моему мнению, об объективной основе пространства можно только сказать, что наше пространство ей соответствует» [Челпанов, 201b, с.418]. Таким образом, можно говорить о том, что гносеологические взгляды Челпанова во многом помогли ему перейти от вопроса о восприятии внешнего пространства к восприятию и переживанию пространства внутреннего. Не менее важно и то, что его гносеологические взгляды, пусть и не отличавшиеся особым своеобразием, стимулировали позитивное восприятие новых идей и концепций, прежде всего, идей Вюрцбургской школы и гештальтпсихологии, хотя, до конца жизни гносеологические и психологические взгляды Челпанова близки по своей философской основе к неокантианству. Это, несмотря на значительные отличия в их позициях по вопросу монизма-дуализма, сближало, Челпанова с Введенским. Критика Введенским интуитивизма Лосского, во многих отношениях также была близка к позиции Челпанова. Оба ученых считали также, что основной целью развития наук о человеке в тот момент являлось формирование современной объективной психологии.

Однако, подчеркивая, что душа, являясь совокупностью представлений, является, в то же время и носителем представлений, Челпанов отвергает психофизический закон Введенского, подчеркивая, что признание нематериальности души не означает отвержение идея о душевной субстанции. С точки зрения Челпанова, душевная субстанция во многом и является основанием целостности ее содержания, связывая различные психические процессы и поддерживая ее единство. В этой же работе, а также в

своих лекциях по психологии, он писал о том, что признание того факта, что у человека присутствуют цели, приводит к необходимости «признать и необходимость условий, способствующих осуществлению этих целей». В то же время он стремится показать, как соединение разных сфер психического, реального и идеального, дает возможность человеку активно выбирать цели и осуществлять их в своей свободной деятельности. Таким образом, Челпанов стремился не только гносеологию, но и проблему свободы воли рассмотреть с психологических позиций, насыщая философские понятия психологическими фактами.

Проблема свободы воли была темой одной из основных дискуссий, содержание которых отразилось, в том числе, и в журнале «Вопросы философии и психологии». Ведущие позиции в этом вопросе принадлежали Гроту и Лопатину.

Делая вывод о том, что «развитие в индивидууме личной воли возвращает ей свободу действия или бездействия и является основой, направляющей и определяющей саморазвитие личности», Грот фактически говорил о том, что развитие личности направлено, прежде всего, на борьбу с ограничениями воли. Эти ограничения воли коренятся как во внешнем мире, так и в наследственной организации человека, его теле. Таким образом, он приходил к основной для его концепции идеи о том, что «свобода личной воли есть дар единой вселенской воли, но достигаем мы ее самостоятельно, в процессе нашего индивидуального саморазвития». Именно эта позиция была близка Челпанову и впоследствии частично реализовалась им в работах, посвященных исследованию личности. В то же время он совсем не разделял взгляды Грота на стиль жизни. Грот не столько обосновывал возможность свободного и сознательного выбора поведения, но и говорил о том, какой стиль жизни необходимо избрать для того, чтобы по-

ведение и вся жизнь человека могли рассматриваться как нравственные и правильные. При этом у него, как и у большинства отечественных ученых, существовало однозначно негативное отношение к различным проявлениям инстинкта жизни, в то время как в зарубежной культуре такого однозначного отрицания нет. Более того, у некоторых авторов, в частности у Фрейда или писателя Шоу, материальное стремление к продолжению своей жизни рассматривается как мощный фактор саморазвития личности. В некоторой степени, эта позиция разделялась и Челпановым, который не отвергал материальных ценностей и как факторов личностного развития, и как факторов волевой регуляции. Это сближало позицию Челпанова со взглядами на свободу воли Лопатина, также как и взгляды на роль волевого действия в объективации внешнего мира.

Важной для Челпанова была и мысль Лопатина о том, что свобода духа выражается в творчестве, простирая это творчество и на область нравственных действий. Заложенным в ней стремлением к творчеству душа и отличается от физического мира, где действительно нового ничего не возникает, в то время как жизнь состоит в постоянном раскрытии новых проявлений, новых актов, непрерывно расширяющих конкретное содержание ее бытия. Таким образом, вся психическая жизнь есть порождение духовного творчества, а нравственное добро является высшим проявлением сознательного, личного творчества. Подчеркивая, что настоящей сущностью нашей нравственной личности является ее стремление к самоопределению, Лопатин сделал свободу человеческой воли и нравственную разумность мировой жизни двумя коренными предположениями своей этики.

Справедливо усматривая в этом утверждении влияние идей Соловьева, Челпанов не только соглашался с ним, но утверждал в своих работах,

посвященных творчеству, что не только сознание, но все проявления духа, от простейших ощущений до логических размышлений, проникнуты творчеством.

Методологические взгляды Челпанова

В свете этих положений особый интерес представляет позиция, представленная Челпановым при разработке экспериментальных исследований в институте Экспериментальной психологии и в физико-психологическом отделении (главным образом, в комиссии по восприятию пространства) ГАХН.

Он подчеркивал, что одновременно с психологизацией гуманитарных наук появляется и стремление к ее объективации, к поиску общей для всех наук о человеке методологии, на роль которой психология, как наука эмпирическая, претендовать не могла. Вторичный (после середины XIX века) поворот к философии в первые десятилетия XX века произошел потому, что нужно было методологическое обоснование и исследование тех переживаний, тех эмоций, которые были «кристаллизованы» в искусстве. Таким основанием не могло стать искусствоведение как сугубо (как и психология) эмпирическая наука. Необходимо было задать какие-то критерии для эмпирических исследований, их границы и инструментарий (методы) изучения и параметры и/или критерии оценки. Но одновременно вставал вопрос о том, какая философия может стать таким методологическим основанием? Одним из самых активных защитников междисциплинарности новой экспериментальной психологии был Челпанов.

Сегодня, с развитием психологической науки, становится понятно, что необходимо осознание различий и точек соприкосновения в методологии разных сфер психологии, в частности, когнитивной, клинической (наиболее объективной и ориентированной на

данные естественных наук), психологии личности и социальной психологии (наиболее ориентированных на гуманитарное знание). Таким образом, можно сказать, что сама структура психологического знания доказывает важность сочетания естественно-научных и гуманитарных подходов в исследовании и понимании психики. Необходимость полипарадигмального подхода вытекает из специфики предмета и методов психологии. Отсутствие прямого и объективного метода исследования психики еще в середине XIX века рассматривалось как серьезная угроза для становления экспериментальной психологии, особенно в доминировавшей тогда позитивистской парадигме. Стремление к преодолению постулата непосредственности стало причиной не только методологических кризисов, но и появления различных вариантов преодоления этого постулата, и, как следствие, возникновения все новых психологических школ и направлений, т. е. во многом послужило источником развития психологии. Однако вопрос о прямом и объективном методе, т. е. методе, результаты которого могут быть воспроизведены при повторении эксперимента, а данные — проверены и обчислены математически, остается открытым до настоящего времени. Интроспекция и сегодня является единственным прямым методом психологии. Мечты о телепатии пока так и остаются мечтами, способов для непосредственного «чтения в душе другого» человечество так и не изобрело, что, возможно, и к лучшему при современном уровне культуры и нравственности.

Конечно, естественнонаучная психология имела и имеет много достоинств, недаром в начале XX века, несмотря на опасения Челпанова и других ученых, ее преимущества перевесили недостатки. Да и множество проблем, доступных объективному исследованию, еще ждали своего решения, не все они решены и сегодня. Однако

время показало правоту Челпанова, доказав, что отход от философии не только непродуктивен, но и вреден для психологии. Проверимость и повторяемость — критерии метода в позитивизме — не могут в полной мере быть распространены на психологию, так как внутренние состояния всегда изменчивы, всегда являются «потомком сознания» (психики), в который «сложно войти два раза».

Особенно важным такое сочетание объективных и субъективных (интроспективных) методов исследования становится при изучении внутреннего мира человека, структуры и содержания его представлений о себе. Недаром еще один сотрудник Челпанова и его ученик Г.Г. Шпет писал о том, что человека, так же как и плоды его трудов, нельзя рассматривать только извне. Исходя из соответствия закономерностей и динамики развития внешних и внутренних форм, необходимо изучать и внутреннюю, духовную сущность личности. Поэтому нельзя анализировать науки, связанные с человеком и его творчеством, по прямой аналогии с естественными, точными науками — биологией, математикой и т.д. Методы исследования и критерии истинности, объективности полученных данных должны учитывать и субъективные состояния, установки и ценности человека или группы людей. В настоящее время становится очевидным, что даже в естественных науках, исследующих человека (например, в медицине), и диагноз, и течение болезни, и курс лечения зависят не только от объективного состояния организма, но и от психологического состояния больного и его близких. Тем более это относится к культуре, к исследованию человеческой личности и художественных произведений, созданных ею. Однако психология личности, также как и психология искусства, не может быть индетерминистической, так как, выходя из-под действия принципа детерминизма, она лишается критериев

оценки, объективности, способности выявить и понять причинно-следственные отношения — т. е., по сути, перестает быть научной. Поэтому в работах ГАХН, которые стали важными для Челпанова и его сотрудников, культура рассматривалась именно как важнейший методологический принцип, как новая детерминанта развития психики человека, которая преобразует и процесс познания (речевое мышление), и процесс творчества, и процесс развития волевого поведения и самосознания человека.

Анализ социальной ситуации и содержания концепций, разрабатываемых учеными в начале XX века, показывает, что ощущение разлома эпох, разрыва «связи времен» и предчувствие новых потрясений и кардинальных трансформаций, стимулировало развитие персоналистических концепций, ориентированных на анализ духовного мира человека и его взаимоотношений с окружающим. В то же время, понимание важности преодоления этого кризиса и осознания своего места в мире, способствовали развитию гносеологии, хотя и направленной, в первую очередь, на познание себя и через себя — мира. Этим кризис начала XX века отличался от последующих, в которых, прежде всего, исследовалась внутренняя сущность личности, экзистенция, а проблемы познания отходили на второй план.

Если развитию феноменологии в ее классическом (Гуссерлианском) варианте препятствовал тот факт, что «феномены чистого сознания» предполагали абстрагирование от влияния социума на их содержание, что было неприемлемо для российских ученых, то и экзистенциализм не получил большого распространения в российской науке в начале XX века. Видимо, это было связано с тем, что в силу своего принятия окружающего мира и необходимости гармонии со всем сущим, он был не совместим с российскими интенциями к оппози-

ционности и несогласию с правительством, тем более, что ученые, как правило, принадлежали не к правительственной, чиновничьей, но к разночинной оппозиционной интеллигенции. Поэтому не удивительно, что все большее распространение получал персонализм, что нашло отражение и в лекциях, и в исследовательской работе Челпанова.

Персонализм с одной стороны, привлекал фокусированием внимания на проблеме личности, личностной активности и уникальности, что всегда было привлекательно для отечественной науки. С другой стороны, центрация на уникальности жизненного пути, стремление к осознанию, в первую очередь, себя, а не окружающих, ценность творчества и личностной самореализации, были не очень совместимы с системой ценностей большинства российских ученых. Поэтому на первый план выходили вопросы, связанные с взаимоотношением личности и общества и вопросы познания – как себя, так и окружающего мира.

Работа в ГАХН привлекала Челпанова возможностью продолжения его научной работы по изучению пространства, которая была начата им еще в Киевский период, с персоналистическими исследованиями. Общий стиль работы комиссии по восприятию пространства отвечал устремлениям Челпанова, который считал гносеологию главным фактором решения общих задач. Вопросы, связанные с изучением границ и пределов познания, всегда занимавшие ученого, решались в этот период в исследовании возможностей эстетического восприятия, понимании прекрасного и безобразного в художественных произведениях.

Взгляды Челпанова на психологию восприятия, соотнесенные с приоритетной для ГАХН проблемой культуры, стали отправной точкой его исследований в академии. В начале Челпанов работает в комиссии по из-

учению художественного творчества, а в конце 1924 года Г.Г. Шпет совместно с руководством физико-психологического отделения специально для Челпанова создает комиссию по восприятию пространства, которую Челпанов и возглавлял до 1929 года. Вместе с ним в академии работали его близкие ученики и сотрудники по психологическому институту – Н.П. Ферстер, В.М. Экземплярский, сестры О.А. и Н.А. Черниковы и другие. В работе комиссии принимали участие и такие известные психологи как М.М. Рубинштейн и А.В. Бакушинский. Кроме того, Челпанов входил и в другие комиссии академии, например в комиссию по исследованию эстетического восприятия, исследованию примитивного творчества.

Большое внимание в работе комиссии по восприятию пространства уделялось изучению подходов к проблеме восприятия в ведущих психологических направлениях того времени, прежде всего в гештальтпсихологии. Сохранившиеся тезисы докладов показывают, что на заседаниях обсуждались проблемы восприятия формы и кривизны линий, восприятия глубины и движения, особенности передачи пространства в детских рисунках и в примитивном творчестве. Анализировались и методы исследования восприятия пространства, например, отдельные заседания были посвящены проблеме тестов, анализировались экспериментальные методики Кюльпе, Штумпфа, Коффки, Вертгеймера и других ученых. Особое внимание уделялось анализу работ Штумпфа, посвященных восприятию музыки.

На разработку методов экспериментального исследования восприятия искусства в ГАХН оказали влияние также работы Х. Эрнфельса и Т. Липпса. Концепция Липпса о «вчувствовании» при восприятии художественных произведений была, в модифицированном виде, использована и Челпановым в его исследованиях, посвященных восприятию искусства

и психологии личности.

В течение шести лет работы в ГАХН Челпанов сделал несколько значительных докладов, в том числе «Психологическое объяснение красоты элементарных форм», «Проблемы психологии художественного творчества», «О методах изучения художественного творчества», «Роль подсознательного в процессе творчества».

Исследования искусства связывались им с теми принципами, которые были установлены им при изучении личности, души человека. Им предложен особый метод познания личности (а позже искусства) - метод «вчувствования», который, как указывалось выше, был частично связан с исследованиями Липпса. Сущность его в том, чтобы не наблюдать факты со стороны, не объяснять их, а самому их пережить, пропустить их через себя. Если развитие сознания, по мнению Челпанова, связано с восприятием окружающего мира, то развитие самосознания формируется при осознании человеком своего внутреннего мира, причем активную роль в этом процессе Челпанов отводил воли. По его мнению, именно при осуществлении произвольного движения происходит осознание того, что это движение происходит от моего желания, то есть тело осознается моим потому, что оно подчиняется моему «Я». Расширенное представление «Я», в котором соединяется представление о моем внутреннем мире с представлением о теле и является, по мнению Челпанова, личностью. Он выделял физическую, социальную и духовную личности. Их развитие в онтогенезе связано с развитием сознания и самосознания и состоит из следующих стадий - проективная (восприятие окружающих), активная (развитие деятельности, подражание взрослым), субъективная (осознание себя).

Работая в ГАХН, Челпанов исследовал не только восприятие пространства, но и проблему эстетического удовольствия. Челпанов стремился

изучить как психологические, так и психофизические причины появления эстетического удовольствия, связывая процесс восприятия искусства как с сознательной работой мышления, так и с бессознательными процессами. При этом сознательное эстетическое удовольствие он объяснял исходя из понимания душевной деятельности как направленной к определенной цели. Противоположность между удовольствием и страданием с его точки зрения совпадает с противоположностью между свободным и воспрепятствующим действием. Таким образом, не только развитие личности, но и развитие эстетического чувства, формирование художественного вкуса Челпанов объяснял исходя из волевого действия.

Бессознательные процессы, связанные с эстетическим восприятием с точки зрения Челпанова соотносились с физиологическими и психофизическими процессами, а также с законами сохранения энергии, о чем говорили и другие ученые, исследовавшие в этот период художественное творчество, например Овсяннико-Куликовский. Челпанов отмечал, что закон удовольствия связан с наименьшей затратой душевной энергии при совершении максимального действия. Исходя из этого, по его мнению, факторами красоты являются разнообразные, ритмичные, симметричные и пропорциональные формы. Метод «вчувствования», который по его мнению является ведущим и при восприятии красоты элементарных форм, заключается в том, что каждая форма истолковывается как имеющая динамический характер.

Теоретические исследования, которые проводились в начале работы комиссии по восприятию пространства, по мнению Челпанова, необходимо было продолжить и, прежде всего, провести экспериментальное изучение процесса восприятия пространства. Возможности для этого представлялись в связи с открытием пси-

хофизической лаборатории, которую возглавил Экземплярский и в работе которой деятельное участие принимал Челпанов

Начиная со второй половины 1920-х годов, Челпанов активно начинает участвовать в исследованиях и дискуссиях, направленных на анализ психологии и философии художественного творчества. При этом творческий акт рассматривался в ГАХН и со стороны творца, художника, и со стороны зрителя, который также был сопричастен творческому акту. Интерес к этим работам со стороны Челпанова, видимо, был обусловлен и тем, что значительное место в них отводилось обсуждению гештальтпсихологической и психоаналитической методологии исследования культуры, искусства.

Творческая атмосфера академии, интересная работа опять наполнили жизнь Челпанова научными поисками, смыслом. В этих последних работах перед нами предстает уже другой Челпанов, психологические взгляды которого отличаются от его предыдущих воззрений, выходя за рамки интроспективной психологии в двух весьма важных направлениях: 1) поиск физиологических коррелятов

психических состояний субъекта в актах перцепции; 2) переход от анализа индивидуального сознания к исследованию восприятия в культурологическом плане.

Жизнь и судьба Челпанова, так же как и многих его учеников, является ярким примером репрессированной науки. Его вклад в отечественную психологическую науку, его книги, так же как и труды многих его учеников и сотрудников, были малоизвестны широкому кругу психологов, поэтому частично остаются непроанализированными и недооцененными и на сегодняшний день. Хотя Челпанов и не создал самобытной психологической теории, однако ему отечественная психология обязана появлением многих значительных научных имен. Будучи видным педагогом и организатором науки, он сыграл важную роль в формировании высокой исследовательской культуры российской психологической школы. Он создал свою школу, заложив основу дальнейшего плодотворного развития психологической науки в России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Челпанов Г.И. Психология. Философия. Образование. Москва-Воронеж МОДЭК, 1999.
2. Челпанов Г.И. Проблема восприятия пространства. Т.1, М.: ПИ РАО, 2011а
3. Челпанов Г.И. Проблема восприятия пространства. Т. 2, М.: ПИ РАО, 2011b
4. Челпанов Г.И. Очерки психологии. М.: ПИ РАО, 2012
5. Марцинковская Т.Д., Ярошевский М.Г. Г.И. Челпанов. Создатель психологического института. //Выдающиеся психологи Москвы. М.: ПИ РАО, 2007, с.79-89